

АКТЕР **ЕВГЕНИЙ МИРОНОВ:**

«Я одинокий волк»

Известия - 2008 - 28
июня - с. 12, 10.

На открывшемся недавно в Штутгарте одном из самых престижных фестивалей Европы Theater der Welt (Театр мира) показали «Вишневый сад» Эймунтаса Някрошюса, поставленный великим литовцем со звездами русской сцены. По окончании триумфальных гастролей исполнитель роли Лопахина Евгений Миронов дал интервью обозревателю «Известий» Марине Давыдовой.

ИЗВЕСТИЯ: Вам было комфортно работать во всей этой истории?

Евгений Миронов: Если вы хоть раз в жизни общались с Някрошюсом, то мысль о комфорте должна пропасть у вас сама собой. Но я и люблю, когда некомфортно.

ИЗВЕСТИЯ: Я как-то брала у Някрошюса интервью и просто измучилась. Он отвечает на вопросы «да» или «нет». А если нельзя ответить «да» или «нет», говорит — «не знаю». На репетиции он так же себя вел?

Миронов: Ага. Все, что он предлагал, казалось шифром, к которому надо найти ключ. И мне было очень интересно разгадывать его. Особенно вот это его молчание.

ИЗВЕСТИЯ: Но посредством чего он доносит до вас свои мысли и желания?

Миронов: Когда начинаешь потихоньку понимать эти «да» или «нет», становится легче. Я уже примерно догадываюсь, куда мне идти.

Правда, не всегда. Например, я никак не мог объяснить свое существование в сцене с прохожим, пока я из него не выжал просто, что главным в этой сцене является образ реки. И сразу стало легче. У него особая режиссерская природа. Он много ассоциаций берет из детства, из животного мира. Он как-то сказал про Фирса, что это лось. Я заинтересовался, стал спрашивать его: а кто все другие?

ИЗВЕСТИЯ: Раневская, кажется, кошка.

Миронов: Вот и нет. Это раненая лань. Приползла умирать домой. А про Лопахина я сам догадался. Попросил его: не говорите мне. Потом сказал ему догадку, он подтвердил.

ИЗВЕСТИЯ: И кто же Лопахин?

Миронов: Волк. Одинокий волк. Молодой, правда, еще. И оттого еще более опасный. Но он иногда и собакой может быть. Он же сам не понимает, что он волк.

ИЗВЕСТИЯ: И все-таки почему Някрошюс молчит?

Миронов: Просто у него все происходит на каком-то другом уровне. Не вербальном. Когда я у него спросил, каким образом он придумывает все эти сцены, он сказал, что обычно ночью, дома, у себя в комнате. Он сидит в темноте — это очень важно, что в темноте, — и почти на ощупь приближается к спектаклю. → стр. 10

ФОТО: ИТАР-ТАСС

АКТЕР **ЕВГЕНИЙ МИРОНОВ:**

«Я одинокий волк»

ФОТО: ИГОРЬ ЗАХАРКИН «ИЗВЕСТИЯ»

ИЗВЕСТИЯ: Это что, видения? Он визионер, что ли?

Миронов: Нет, не думаю, что видения. Он не сидит и не ждет, когда его взору предстанет какая-то картина. Он действительно отдается процессу выдумывания спектакля всем телом. Он однажды рассказал мне историю, как он мыл полы. Начал мыть их в своей квартире, но так задумался о чем-то и увлекся, что вымыл в результате во всем подъезде. И, дойдя до последнего этажа, просто упал. Потерял сознание.

ИЗВЕСТИЯ: У Эфроса есть знаменитая книжка, которая называется «Репетиция — любовь моя». А Някрошюс мне говорил, что мучительно боится репетиций. Может, лукавил?

Миронов: Не лукавил. Я помню, он сидел как-то на репетиции. Тихо сидел, вообще не двигался. И вдруг я увидел, как у него с носа пот капает. Это было колоссальное внутреннее напряжение. Репетировать для него действительно тяжело физически. Он буквально стареет. Очень много горячего тратит. Знаете, как в фильме «Матрица». Человек тут, а его астральное тело летит на всех парах.

ИЗВЕСТИЯ: Вы вокруг себя видите режиссера такого же масштаба, как Някрошюс?

Миронов: Не буду называть сейчас одну фамилию. Надо подождать еще немного. Но вообще-то — нет. Не вижу. Мне не с кем его сравнить. А я работал, между прочим, не с последними людьми. Някрошюс — совершенно беспрецедентный случай. Великий непрофессионал. Он заканчивал какой-то химический факультет. И он все время это подчеркивает: я не профессионал, я не режиссер. То что он придумывает, действительно невозможно порой профессионально вычислить. Это не просто необычный взгляд на вещи. Можно пойти в «Кашенко», и столько там перевернутых взглядов обнаружить. Но его взгляд, даже если ты что-то не до конца разгадал, помоему, каждого все равно задевает.

ИЗВЕСТИЯ: И все же нет у вас ощущения некоторой избыточности и затянутости этого спектакля.

Миронов: Есть. И это тоже говорит о его непрофессионализме. Есть, знаете, такие умельцы, которые изготавливают спектакли в фестивальном формате. Два часа — и вы свободны.

ИЗВЕСТИЯ: Ну почему обязательно «умельцы». «Братья и сестры» Льва Додина идут в общей сложности семь часов, и их не хочется сокращать ни на минуту.

Миронов: А мне «Вишневый сад» не хочется сокращать. Я вроде все время подгоняю себя и партнеров, чтобы быстрее играли. Но сократить это невозможно. Потому что это жизнь. Он рассказал в этом спектакле о своей прошлой, настоящей и будущей жизни. И что из этого вы предлагаете сократить?